

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

Мимолётности,

или

Подумайшь,
Бином Ньютона!

A • S • T

Екатерина Вильмонт

**Мимолетности, или
Подумаешь, бином Ньютона!**

«АСТ»

2009

Вильмонт Е. Н.

Мимолетности, или Подумаешь, бином Ньютона! /
Е. Н. Вильмонт — «АСТ», 2009

ISBN 978-5-17-063999-1

Совершив своего рода «подвиг любви», героиня романа Фаина решает начать новую жизнь в другой стране и как будто у нее все складывается удачно, однако встреча с бродячим котом все расставляет по своим местам, и она возвращается в Москву, на прежнюю работу. Но не зря же говорят, что нельзя дважды войти в одну и ту же воду... И разве можно жить без любви? Но разобраться, где настоящая любовь, а где «мимолетность», не так-то просто...

ISBN 978-5-17-063999-1

© Вильмонт Е. Н., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Екатерина Николаевна Вильмонт

Мимолетности, или Подумаешь, бином Ньютона!

Часть первая Что было...

В Риме на лестнице площади Испании сидел совершенно счастливый человек. По крайней мере мне так показалось. Об этом свидетельствовала даже его поза. И выражение лица. Ему было лет сорок. И он с детским упоением лизал шоколадное мороженое из огромного вафельного рожка. Мне нравилось наблюдать за ним. Я вообще в последнее время полюбила это занятие – наблюдать за незнакомыми людьми и придумывать им историю. А этот был еще очень красив. Он, конечно, не итальянец. Скорее всего, скандинав. Светло-каштановые волосы, светлые глаза, то ли голубые, то ли зеленые, не разглядишь. Ботинки на нем явно очень дорогие. И часы. За годы работы в глянцевого журнала я научилась распознавать такие вещи. Интересно, чему он так радуется? Обручального кольца нет. Хотя это ничего не значит. А может, как раз этому он и радуется? Может, развелся, освободился? Если он был женат на итальянке, то развод дался ему ох как нелегко... А я? К чему привела меня маниакальная идея замужества? С любимым не вышло, так хоть с кем... Мне вдруг стало страшно. Через две недели свадьба... И платье сшито... Верх изысканности – тончайший шелк цвета слоновой кости с брюссельскими кружевами... И свадебное путешествие заказано. На Мальдивские острова. Идея не моя. Но Серджио обожает дайвинг и рыбацкие приключения. А что мне-то там делать? Но я молчу. Мне в общем как-то все равно. Мальдивы так Мальдивы.

Я продолжала наблюдать за скандинавом. Громадная порция мороженого таяла, а он чересчур медленно и вальяжно его ел. Вот тормоз! Горячий скандинавский парень! Да сейчас мороженое потечет на дорогие светлые брюки. И точно!

– Ах мать вашу! – воскликнул он на чистейшем русском языке.

На брючине расплзлось большое шоколадное пятно. Он вскочил в растерянности, ловко зашвырнул мороженое в довольно далеко стоящую урну. Полез в карман за носовым платком...

Я вытащила из сумки пакетики с пятновыводящими салфетками.

– Вот, возьмите. Это ототрет пятно. Он взглянул на меня с удивлением.

– Это пятновыводитель?

– Да. Только не тормозите, оттирайте скорее.

– Спасибо. Вы русская? А я решил, что вы типичная итальянка... И очень красивая.

А мне-то казалось, что он меня и не заметил.

– С ума сойти, кажется и вправду отходит...

– Возьмите еще одну. Эта уже грязная.

– Спасибо, вы просто чудо. Спасительница. У меня через полтора часа переговоры, а гостиница далеко. Я бы не успел. Хотел уж бежать покупать новые брюки.

– Все в порядке. Теперь надо высушить пятно.

– Да тут на солнышке в миг высохнет. Чем я могу отблагодарить вас?

– Не о чем говорить. И вот, возьмите эту пачку. У меня еще есть.

– Ну, уж тогда я буду в неоплатном долгу.

– Пусть это будет ваш самый большой долг в жизни, – засмеялась я.

– Ненавижу быть должным. Долг даже в десять рублей меня напрягает.

– Хорошо, тогда в отплату этого непомерного долга скажите, почему у вас был такой невероятно счастливый вид? У вас случилось что-то хорошее? Поделитесь.

– Да нет... Ничего такого... Просто Рим, площадь Испании, потрясное мороженое, солнышко...

– Только и всего? А я решила, что вы... Впрочем, неважно.

– Нет уж, договаривайте. Что вы там насчет меня решили?

– У меня было два варианта. Либо вы здорово и счастливо влюблены...

– Либо наоборот, только что развелся?

– Именно!

– Увы, ни то ни другое. Просто я умею наслаждаться моментом. Мне было хорошо. Я ответил на ваш вопрос?

– Пожалуй.

– А что вы делаете сегодня вечером?

– Сегодня вечером... Я занята.

– Ну что ж, не смею настаивать. Но мне жаль. Скажите, прекрасная незнакомка, как вас зовут. Хотя сперва следует мне представиться. Гунар Лиепиньш.

– Вы латыш?

– На одну четверть.

– А меня зовут Фаина.

– Фаина? Какое редкое имя... Кажется, никогда не знал ни одной Фаины, кроме разве что Раневской.

Я развела руками и улыбнулась. Я все-таки почти угадала. Хоть и не скандинав, но прибалт, что в принципе почти одно и то же. Словом, викинг.

– А завтра, примерно в это время, вы свободны?

– Увы, нет.

– Ну что ж, тогда прощайте, прекрасная незнакомка. Нет, не так! До свидания, прекрасная Фаина.

– Удачи на переговорах, Гунар!

Я повернулась и пошла прочь. Почему я не захотела встретиться с ним еще разок? Испугалась? Наверное. Ни к чему мне сейчас заводить какие-то новые отношения. Я чувствовала, что понравилась ему... А он мне, кстати, не очень... слишком красивый.

Мои родители расстались, когда мне было десять лет. Поначалу я страшно горевала, но, повзрослев, поняла, что только чудом они продержались вместе столько лет. Как там у Пушкина: «Они сошлись. Вода и камень, стихи и проза, лед и пламень...» В отце бушевала смесь разных кровей – итальянской, еврейской, польской и русской. В маминых жилах текла смесь русской и финской. Мама во всем и всегда стремилась к порядку. Она просто не могла жить, если что-то было не сделано, не улажено, не соответствовало ее представлениям о пресловутом порядке. А отец был человек стихийный. Ему этот порядок претил, он вечно дразнил маму «Фрау Орднунг». Словом, они расстались. И я помню, когда отец забрал из дому свои вещи, мама вдруг тяжело вздохнула. Но это был вздох облегчения. Наконец-то в доме воцарится порядок! И он воцарился. Но я затосковала. И с нетерпением ждала воскресений, когда отец

забирал меня и мы с ним шли «нарушать порядок»! Это было так весело! Он вел меня куда-нибудь, куда мама ни за что бы меня не пустила. Например, в Парк культуры на аттракционы. А потом в боулинг, тогда это называлось «кегельбан», где пили пиво, курили и вообще была совсем не детская атмосфера. Тем более, что там стояли чуть ли не первые в Москве игровые автоматы. Папа катал шары, а я играла на автоматах. Потом мы шли в какой-нибудь ресторан в творческих клубах Москвы. В Дом кино или Дом литераторов или Дом архитектора или ВТО. Отец был модным фотографом. Разумеется, маме я не рассказывала о наших похождениях. Я говорила, что мы были в цирке или в театре или в зоопарке.

– Не надо маме все рассказывать, она огорчится, – предупреждал отец.

– Папа, но ты же сам сколько раз говорил – врать нехорошо.

– Врать плохо, а вот умолчать иной раз просто полезно для здоровья.

– Для маминого здоровья? – уточняла я.

– Для всеобщего здоровья, – смеялся папа.

Так прошло три года. Я выросла. Мама вышла замуж. Ее новый муж казался мне самым скучным человеком во всем свете. Но зато он тоже любил порядок. Помню, я говорила своей закадычной подруге Татке:

– Не понимаю, как она может... После папы... От этого ее Валечки такой тоской веет, он такой правильный, скучный, я, как его вижу, зевать начинаю! Жуть с ружьем!

– Нет, похоже, именно без ружья! – предположила Татка.

Мы ржали.

За мной начали бегать парни. И я влюбилась. В десятиклассника. Он тоже не остался равнодушен. И однажды, провожая меня после кино, решился наконец меня поцеловать. Я давно этого ждала. И мы стали целоваться как ненормальные. За этим упоительным занятием нас и застал мамин муж Валентин Валентинович.

– Фаина! Ступай немедленно домой! Мне надо поговорить с этим юношей.

– Не надо вам с ним говорить! – возмутилась я. – Вы мне никто! У меня есть отец, и если надо, то он с ним сам поговорит.

У отца покраснели уши и кончик носа. Он возмущенно запыхтел, но все-таки схватил меня за руку и поволок в квартиру.

– Не смейте ее трогать! – заорал Сенька.

– Уйди, мерзавец!

– Он не мерзавец! – завопила я. – И отпустите меня!

На наши вопли выскочила мама.

– Что тут происходит?

– Леля, твоя дочь совсем потеряла стыд!

– Сенька, уходи! – шепнула я. – Сама разберусь!

Когда мы наконец вошли в квартиру, мама ледяным тоном спросила:

– Что случилось, Валя?

Если бы она спросила об этом у меня, все могло бы сложиться иначе. Но она спросила у него.

– Леля, твоя дочь ведет себя неприлично. Обжимается со взрослыми парнями. И это только видимая часть айсберга. Я убежден, что она уже живет с мужчинами. Посмотри, какой у нее вид! Малолетней проститутки! Это все влияние ее папаши! Я предупреждал, что ребенка надо от него изолировать! Но теперь уже поздно.

Всю эту ахинею он произносил как-то монотонно, то есть не сгоряча. Я в ужасе смотрела на маму. Неужто она не возьмет мою сторону? Не пошлет его куда подальше, не влепит пощечину за оскорбление ее единственной дочери?

Ничего этого она не сделала. Только положила руку ему на плечо и прошептала:

– Успокойся, Валечка! А мне бросила:

– Ступай в свою комнату!

Я кинулась к себе, попихала какие-то вещички в спортивную сумку и тихонько проскользнула в прихожую. Приоткрыла входную дверь, шмыгнула на лестницу и была такова.

Увидев меня в полдвенадцатого ночи на пороге своей квартиры, отец опешил:

– Бамбина, что стряслось?

Почему он вдруг назвал меня бамбиной?

– Папочка, я не могу больше так жить! Я теперь буду жить с тобой! Этот тип...

– погоди, не с порога. Войди, закрой дверь. Вот так. Ну, что там случилось? Кто обидел мою дочку?

Я все ему рассказала.

– Понятно. Ну, рыдать не стоит. А скажи мне честно, что у тебя с этим Сенькой?

– Да ничего, мы просто целовались, и то в первый раз.

– Это правда или ты о чем-то умалчиваешь?

– Нет, папочка, честное-пречестное слово!

– Ладно, переночуешь у меня. А завтра все утрясется.

– Нет, я там жить не буду! Разве можно жить в одной квартире с... хладнокровными?

Мы с тобой теплокровные, а они...

Отец расхохотался, поцеловал меня в нос.

– Ты есть хочешь?

– Хочу! Очень!

– Ладно, пошли на кухню, заодно и поговорим.

Отец ловко и быстро поджарил мне кусок мяса, которое, несмотря на дефицит всего в стране, не переводилось в его холодильнике. Это было так вкусно!

– Вот что, бамбина...

– Пап, с чего это ты вдруг стал звать меня бам-биной?

– Видишь ли, моя дорогая, я в скором времени уеду...

– Куда?

– В Италию.

– Вот здорово! Надолго?

– Ну... в общем... навсегда, наверное. Я похолодела.

– Как навсегда? А я? Как же я?

– А ты сможешь приезжать ко мне, и я тоже непременно буду приезжать. Я ведь не эмигрирую, я женюсь. А при таком раскладе это будет возможно, я узнавал. Поди плохо – на каникулы ездить в Италию.

Я разревелась. Мне было так горько, так больно, казалось, я не переживу такого предательства.

Я схватила сумку и бросилась к двери. Отец меня поймал.

– Куда это ты, бамбина, собралась среди ночи?

– Неважно! Куда глаза глядят! А лучше всего просто замерзну. Там мороз...

– Что ты несешь, дурища!

– А зачем мне жить, если в один день и отец и мать меня предали! – вопила я.

– А ну замолчи! – и он плеснул мне в лицо холодной водой, – рано тебе еще, милая моя, истерики закатывать, носом не вышла! Соплячка! Предали ее! Дура, – кипятился отец. Я никогда его таким не видела. – Ты что, считаешь себя центром вселенной? Думаешь, ты вправе распоряжаться чужими жизнями? Подумаешь, мамин муж тебе замечание сделал! А родной отец решил жениться... Такое бывает! Ты скажи спасибо, что у тебя и отец и мать живы и заботятся о тебе...

– Какая трогательная забота! Ты живи, Фаина, с этими земноводными, а я себе в Италии буду жить.

В этот момент раздался звонок в дверь.

– Невеста твоя приперлась?

– Нет. Она в Италии. Скорее всего, это мама. Звонок повторился.

– Не открывай!

– Еще чего!

Это и в самом деле была мама.

– Виталий, она у тебя?

– Да, куда ж ей еще идти... Заходи.

– Фаина, не прячься! Что в самом деле случилось? Чего ты взбеленилась?

– А ты не понимаешь? Твой эсэсовец лезет в мою личную жизнь! А ты его поощряешь!

Ты вообще готова перед ним на задних лапках плясать, потому что он, видите ли, тоже любит порядок! Орднунг юбер аллес!¹

Отец легонько усмехнулся.

– Прекрати глупости! – поморщилась мама. – Люди разные бывают, и, поверь, любовь к порядку не такое уж дурное качество.

– Если эта любовь не маниакальная! – крикнула я.

– Леля, это даже хорошо, что ты приехала, надо поговорить.

– О чем говорить среди ночи! Мне с утра на работу.

– Ну что ж, вольному воля. Но в таком случае Фаина останется у меня.

– Об этом не может быть и речи. Ты плохо на нее влияешь.

– Я останусь у папы!

– С какой стати? Тебе утром в школу! А ты уроки не сделала. Таскалась с этим парнем! О чем вообще ты думаешь? О чем угодно, кроме учебы... Короче, бери сумку и поехали домой.

– Леля, я обещаю тебе утром отвезти Фаину в школу.

– Нет. Нельзя создавать прецедент. Она теперь, чуть что не по ней, будет бегать к тебе, а это неправильно. К тому же я не знаю, на что она может тут наткнуться... Это не лучший пример для девочки в ее возрасте.

– На что бы я тут ни наткнулась, это будет нормальнее, чем этот твой... рыбец.

Отец фыркнул.

– Фаина, или ты сию минуту едешь со мной, или...

– Или что? – вдруг разозлился отец. Мама вдруг испугалась. Махнула рукой.

– Ладно, но утром ты привезешь ее в школу. Она ушла.

– Папочка, спасибо.

– Да, дочь, задала ты мне задачку.

– Какую задачку? Утром сбagriшь меня в школу, а сам упорхнешь в свою Италию. И даже не вспомнишь обо мне.

– Ну ты и дура! Думаешь, это так просто – упорхнуть в Италию? Боюсь, на это уйдет около года.

– Да? – обрадовалась я.

– Да. И до отъезда ты будешь жить здесь.

– Ура!

– Но у меня будут некоторые условия.

– Что угодно!

– Ладно, с этим мы разберемся! А сейчас спать! Квартира у него была двухкомнатная. Он постелил мне в большой комнате на диване.

– Папочка, спасибо тебе! Но что будет дальше, когда ты все-таки уедешь?

Он посмотрел мне в глаза, погладил по голове, поцеловал в нос.

¹ Порядок превыше всего! (нем.).

– Я что-нибудь придумаю. Но предупреждаю – взять тебя с собой в Италию не удастся. Не та у нас страна. Так что об этом не мечтай. Но и не бойся, я не отдам тебя на съедение маминому рыбку. Кстати, хочу заметить, ему кликуха «рыбец» не подходит. Ты небось думала, что рыбец мужское название рыбы?

– Да, а что?

– Рыбец – это такая вкусная копченая рыбка... Ох, слюнки потекли. Пусть лучше он у нас будет... судак.

– Но судак тоже вкусный!

– Да? Ну что ж, пусть он будет... Медуз.

– Папа, это гениально! Он же медик, врач по УЗИ.

Так с тех пор маминого мужа мы между собой иначе как Медузом не звали.

А вскоре выяснилось, что мама беременна. Этот факт в значительной степени способствовал тому, что мама не очень возражала против моего переселения к отцу, а Медуз так и вовсе был рад без ума.

– Папа, – спросила я однажды вечером, когда мы с ним пили чай с печеньем, которое я сама испекла по рецепту папиной сестры тети Сони. – А как ты мог жениться на маме? Вы же такие разные!

– А это был брак по страсти! Я влюбился в свою противоположность. Она была такая красивая, спокойная, мне казалось, она сумеет как-то повлиять на мою сумасбродную жизнь... Одним словом, запомни, дочка: жениться надо не по страстной любви...

– А как? По расчету? – закричала я.

– Видишь ли, в твоём возрасте этого ещё нельзя понять...

– А ты попробуй объяснить.

– Хорошо, попытаюсь. Вот, допустим, встретились два человека и влюбились до безумия. Бывает так? Сплошь и рядом. И, движимые этой безумной влюбленностью, женятся. Не взирая ни на что и ни на кого. Негде жить? А как же рай в шалаше? Не на что жить? Ничего, как-нибудь! И все в таком роде, главное, чтобы любимый человек, верх всех совершенств, был рядом. А потом неустроенный быт, отсутствие денег, несовпадение вкусов, раздражающие привычки... Короче, в браке по любви открываются недостатки. Усекаешь?

– Допустим, – фыркнула я. Мне казалось, что главное – это любовь.

– А вот когда женятся по расчету, только не думай, что расчет – это вопрос денег. Отнюдь. Так вот, когда по расчету, без слепой любви, с открытыми глазами, в браке открываются достоинства друг друга... И зачастую это приводит к любви, настоящей, куда более долговечной, чем брак по страсти.

– А ты на своей Карлотте женишься по расчету?

– В известной мере да. И она за меня выходит тоже в некотором смысле по расчету.

– Тогда я не понимаю.

– Чего?

– Какой у тебя расчет, в общем-то ясно. Ты уезжаешь в свободную страну. Это раз. Она, кажется, небедная... Это два. А ей-то что за радость?

Отец улыбнулся, щелкнул меня по носу.

– А она меня любит. И ещё верит в меня. И в то, что спасает меня от советской власти...

– То есть она выходит за тебя по любви, а ты женишься по расчету?

– Тупой максимализм юности. Я тоже люблю её. Просто наши отношения уже миновали стадию бешеной влюбленности. Им уже девять лет, и мы оба пришли к выводу, что сможем быть вместе. Это только у нас в Союзе женятся очертя голову в двадцать лет. В Европе это уже не модно. Зато там и разводов куда меньше, чем у нас. Поэтому мой тебе совет, дочка, не спеши бежать замуж! Я убежден, что ты меня вряд ли послушаешься, но все-таки запомни этот разговор.

Но я, разумеется, о нем забыла, когда по уши влюбилась в своего первого мужа.

Отец уехал, оставив меня в своей квартире под присмотром тети Сони, которая жила в соседнем подъезде. И этот присмотр был почище любого другого. Я дружила с ее сыном, моим двоюродным братом Федякой. Тетя Соня, дядя Юлик и Федяка стали для меня настоящей семьей. Но жила я все-таки одна. Хотя тетя Соня строго следила за тем, чтобы я не развела в квартире бардак. Но, видимо, мамины гены все же сказались, и я тоже любила чистоту, но не маниакально. Тетя Соня и готовить меня научила, хотя обедала и ужинала я у них.

– Пригодится, когда замуж выйдешь. Да и вообще, женщина, не умеющая готовить, не совсем женщина, даже если она красуется на экране.

А мне это нравилось! Иногда ко мне приходили подружки, и я удивляла их каким-нибудь пирогом или тортом.

Мальчишки рано начали проявлять ко мне интерес, но у меня большого интереса не вызывали.

Первый раз папа приехал через год. Он неузнаваемо изменился. Раньше это был такой московский сибарит, циник, красавец и бонвиван. А теперь... Никто не мог предположить, что жизнь так круто его поменяет, вернее, он так круто поменяет свою жизнь.

Отец пошел работать в информационное агентство и практически не вылезал из горячих точек. К тому же он здорово похудел, отрастил бороду, выглядел моложе и спортивнее.

– Я живу полной жизнью, Сонечка! – говорил он сестре. – Я здесь застоялся, хоть и работал немало, но разве сравнишь! Я чувствую себя человеком, мужчиной, я не вру на каждом шагу, попадая, скажем, в Афганистан или Никарагуа... Меня первый раз отправляли с большими сомнениями, под поручительство тестя, но мой репортаж был оценен по высшему классу, я получил престижную премию...

Он захлебывался, его распирало от гордости... Он привез кучу подарков всем, был весел, но не забыл привезти мне приглашение и сам же со мной ходил по всем инстанциям, в результате мне дали разрешение поехать к нему на месяц. И хотя в июле стояла жуткая жара, я бегала по Риму, ошалев от счастья. И влюбилась в этот город с его историей, красотой и огромным количеством бездомных кошек.

Отец и Карлотта, которая мне очень нравилась, жили в огромной квартире на знаменитой Виа Мар-гутта. Там было так необычно и красиво. Этажом ниже жил дед Карлотты, знаменитый итальянский галерист, сухонький смешной старичок, который при виде меня всегда восклицал: *che bellezza*² и больно щипал меня за предплечье. Я вскрикивала, а он совал мне невероятно вкусную большую конфету. Однажды Карлотта обнаружила у меня на предплечье синяк.

– Что это? – спросила она.

Я промолчала. Мне неловко было доносить на старичка.

– Кажется, я понимаю, – хмыкнула Карлотта, а вечером того же дня принесла мне большой пакет с этими конфетами.

Не знаю, что уж она там сказала деду, но больше он меня не трогал. Просто перестал меня замечать вообще. Когда я приехала в следующий раз, деда уже не было в живых.

Карлотта прекрасно говорила по-русски. Она, как оказалось, училась в Ленинграде и в роду у них были русские. Я обожала эти поездки. Но мама давала мне разрешение всегда с недовольным видом. Считала, что это дурно на меня влияет. У нее родилась девочка, полная противоположность мне, беленькая, бесцветная, но вполне милая. Правда, Медуз старался меня к ней не подпускать. Я как-то услышала его разговор с мамой:

– Леся, зачем ты позволяешь Фаине брать Леночку на руки?

– А в чем дело, Валя?

² Какая красавица (шпал.).

– Девочка в таком возрасте живет одна, без присмотра, мало ли чем может заразиться...

– Валя, что ты говоришь?

– Я врач, я знаю, что говорю, и я не хочу, чтобы Леночка...

Я задохнулась от обиды и ненависти.

– Я все слышала, мама. Не волнуйся, я больше никогда не переступлю порог этой квартиры! Никогда, слышишь! И вообще, забудь, что у тебя две дочери! Только одна!

Я выскочила на лестницу, вся дрожа. Мама побежала за мной, поняла, что Медуз переборщил.

– Фаина, девочка, не обращай внимания, это все ерунда...

– Нет, мама! Если ты захочешь меня видеть, приходи ко мне! Но одна!

Я сдержала слово. Больше никогда не переступила порог квартиры, где родилась. Через три года они эту квартиру продали и уехали жить в Финляндию. С тех пор я маму не видела. Выходя замуж, я позвонила ей и пригласила на свадьбу, но она не смогла приехать. Или не захотела, не знаю.

Так я выросла. Одна. Хотя тепла и заботы мне хватало. Тетя Соня и дядя Юлик заменили мне родителей. В их тревогах обо мне не было и тени фальши. А Федяка и сейчас мой близкий друг.

Я жила одна и находила в этом известную прелесть. Подруг у меня было немного, школьные компании меня не увлекали, и вопреки предсказаниям Медуза я вовсе не стала малолетней шлюхой. Я любила читать и вполне естественно после школы подала документы в МГУ, на филфак, и поступила с первого раза без всякого блата, на романо-германское отделение. Я со страстью учила итальянский! Еще бы, ведь каждое лето у меня была возможность удивлять своими успехами отца и Карлотту.

– Придется тебя выдать замуж за итальянца, – смеясь, говорил отец.

– Ничего не имею против! Они веселые! И итальянскую кухню я обожаю.

Но замуж я вышла за русского парня. Его звали Максом, он был родом с Алтая, окончил Институт стали и сплавов, и мы поженились через две недели после знакомства. Я тогда училась на третьем курсе. Правда, мы не регистрировали наш брак, и Макс просто переехал ко мне. Тетя Соня и дядя Юлик, вопреки моим опасениям, не настаивали на официальном браке.

– Федь, – спросила я у кузена, – почему твои так легко согласились?

– Да не просто согласились, а до смерти обрадовались.

– Почему? – не поняла я.

– Потому что считают, что вряд ли вы долго продержитесь, а так Макса не надо прописывать к тебе, с квартирой проблем не будет, если разбежитесь.

Я тогда обиделась. Обиделась за Макса. И даже стала настаивать на том, чтобы пожениться. Но Макс только смеялся.

– Зачем, Фаинка? Разбежаться будет проще. Мне, дуре, казалось, что у нас неземная любовь, что у нас будут дети, а он думает, как бы нам разбежаться?

– По крайней мере он довольно бескорыстный малый, – заметила тетя Соня, когда я поделилась с ней своими разочарованиями. Я-то любила его... А он в самом деле через два года слинял. Просто в один прекрасный день я вернулась домой, а его и след простыл. Забрал все свои вещи и был таков. Даже записки не оставил.

Я долго не могла прийти в себя от горя и обиды. Уехала к отцу в Рим. Карлотта знакомила меня с какими-то молодыми людьми, но, видимо, было еще рано. Травма оказалась слишком глубокой. Я ни на кого не хотела смотреть, да и парни как-то шарахались от меня. Но тут случилась беда – отца ранили в одной из горячих точек, и мне стало не до любовных горестей. Его доставили в Рим, сделали операцию, и я с неистовой страстью принялась выхаживать его.

– Бамбина, да ты просто Юлия Вревская! – смеялся папа, хотя ему было не до смеха. Он четко осознавал, что с таким ранением вряд ли сможет вернуться к прежней работе. У него была прострелена нога, и так неудачно, что он навсегда остался хромым.

– Отбегался я, дочка! Но ничего, лорд Байрон тоже хромал!

– Ты будешь писать стихи, как Байрон?

– Нет, увы! Но и просто заслуженным инвалидом я тоже не хочу доживать.

– И что же ты думаешь делать?

– Вот встану на ноги и буду помогать тестю, он давно этого хочет. Стану устраивать выставки не только картин, но и фотографий, ну и буду наслаждаться оставшейся жизнью. Буду пить вино, вкусно есть, волочиться за красивыми женщинами...

– Нет, ты будешь волочить за ними ногу!

– О, бамбина! Это злобная шутка!

– Не злобная, а острая!

– Да, тебе палец в рот не клади! – хохотал мой неунывающий папа.

Когда он наконец встал и начал потихоньку ходить, я почувствовала, что забыла о Максе. Клинок клином!

Потом я вышла замуж по-настоящему. Свадьба, белое платье из Милана, свадебное путешествие на Канары... Масса иллюзий и... Ничего! Мне просто нечего сказать об этом браке, от него осталась только пустота. Пустота в душе, в сердце. Мой муж был просто пустым местом, почти фантомом, не оставившим никакого следа, даже странно. И развод был избавлением от пустоты. Я опять начинала жить заново. И пошла работать. В новый мужской журнал. Вот там-то я встретила главную и единственную настоящую любовь. Этот человек наполнял меня таким счастьем! Достаточно было увидеть его, услышать его голос... Он тоже работал в нашем журнале. Но если я тянулась изо всех сил, чтобы стать хорошей журналисткой, то ему у нас было тесно. Вулканолог по первой своей профессии, он казался мне невероятно романтическим героем. Он был умным, добрым, веселым, относился ко мне очень тепло, по-дружески, но как женщину меня не воспринимал. А я боялась спугнуть возникшие дружеские отношения, старалась всячески показать ему свою независимость и приучала его к тому, что я просто добрая подруга... Я верила и надеялась, что он сумеет оценить меня по достоинству и в один прекрасный день полюбит. Но увы... И тогда я стала заводить романы с кем попало, кратковременные, пустые, что называется для здоровья. И частенько, как другу, жаловалась Родиону. Его звали Родион Шахрин. Он тоже иногда рассказывал мне о какой-нибудь не в меру назойливой девице, и я мысленно поздравляла себя с тем, что не стала одной из них. Я все еще надеялась, что в один прекрасный день у него откроются глаза... А потом он вдруг решил познакомить меня со своим младшим братом, приехавшим из Америки. И у меня голова пошла кругом. Я вообразила, что этот самый брат сможет стать для меня тем, чем не стал Родион. Но это было так глупо... Переспав с ним, я поняла, что не нужна ему, а он мне. Он, как выяснилось, приезжал в Москву, чтобы найти какую-то девушку из своей молодости. А потом оказалось, что именно ее безумно полюбил Родион. О, как же он мучился! Как его колбасило и плющило! Что-то у него с ней не ладилось... Она жила в Германии, он в Москве, между ними были какие-то непонятки... Я сначала злорадствовала, а потом мне вдруг стало его безумно жалко... Он даже с горя сделал мне предложение... Но я так не хотела. Мы вместе встречали Новый год у его друзей. Я сперва радовалась такой перспективе, говорят же, как встретишь Новый год, так его и проведешь, но это чепуха. Он был такой грустный, подавленный, потерянный, что я решила раз и навсегда покончить с этим своим дурацким чувством. Я пошла в туристическое агентство и купила билет в Мюнхен, где жила его любовь со смешным прозвищем «Девственная селедка», и попросила доставить билет и ваучер на гостиницу ему в офис. У него теперь был свой собственный журнал. И он полетел в Мюнхен. А я уволилась с работы и улетела к отцу в Рим. И вот теперь через две недели предстоит моя свадьба.

В огромной отцовской квартире, убранством напоминавшей дивный фильм Висконти «Семейный портрет в интерьере», был большущий балкон, вернее, даже целая терраса, где мы частенько пили чай по вечерам (отец приучил Карлотту к этим чаепитиям). Когда я вернулась, отец сидел там один.

- Бамбина! Где тебя носит целыми днями? Я поцеловала его.
- Просто брожу по Риму, благо есть такая возможность.
- Купила что-нибудь?
- Папочка, я же сказала, что брожу по Риму, а не по магазинам.
- Если женщина ходит не по магазинам, а просто по городу, это неважный признак.
- Почему?
- Скажи, бамбина, ты не хочешь выходить замуж?
- Хочу!
- Ты не хочешь выходить за Серджио?
- С чего ты взял, папочка?
- Сядь-ка, что ты стоишь, как назойливый официант? И налей мне еще чаю.
- А где Карлотта?
- Встречается с подругой.
- С Эмилией?
- Нет. Из Лондона прилетела Стефания.
- А!
- Бамбина, ты не ответила на мой вопрос? Ты не любишь Серджио?
- Папочка, ты сам когда-то внушал мне, что замуж лучше выходить без особой любви.

Тогда в браке будут открываться какие-то неведомые прежде достоинства...

- В принципе это так... Но, прости, родная, за вопрос, ты с ним уже спала?
- Папа!
- Но это имеет принципиальное значение... А вдруг он будет тебе противен?
- Он мне не противен.
- Понял, – улынулся он. – Что ж... Да, бам-бина, тебе звонила какая-то дама.
- Какая дама?
- Из Москвы. Анита.
- Анита? – вздрогнула я. – Она звонила из Москвы?
- Да нет, насколько я понял, она в Риме. И жаждет с тобой увидеться. Она оставила номер телефона.

- Странно, почему она не позвонила на мобильный?
- Бамбина, что у тебя с головой?

В самом деле, решив начать новую жизнь в Риме, я купила здесь новый телефон, с римским номером.

- А ты не дал ей новый номер?
- Нет. Откуда я знаю, хочешь ты этого или нет? Но она оставила свой телефон. Если я не ошибаюсь, это твоя бывшая начальница?
- Она. Интересно, зачем я ей понадобилась?
- Ты позвонишь ей?
- Нет, если ей надо, пусть звонит. А я покончила с прошлым.

Отец насмешливо вздернул бровь. Он мне не верил. Я и сама себе не верила. Но знала – так надо. Я выйду замуж за Серджио. Он и в самом деле не был мне противен, когда увез меня на уик-энд на озеро Комо и там в роскошном отеле мы занимались любовью... Какое противное, лживое выражение: заниматься любовью, когда речь идет просто о сексе. Мы занимались сексом. И это было совсем неплохо. Вот если бы Родион полюбил меня, тогда бы можно было сказать «мы занимались любовью». Но так не случилось, а с Серджио... При чем здесь любовь?

Он ведь тоже, по-моему, не умирает от любви, просто он родственник Карлотты, участник семейного бизнеса, а поскольку я единственная наследница отца и Карлотты, то женитьба на мне ему вполне выгодна. Я ему, конечно, нравлюсь, даже очень, возможно, он в меня даже влюблен, но... Я отчетливо понимаю, что нам предстоит открывать друг в друге достоинства. Мужские достоинства у него вполне на уровне, да и я, кажется, не ударила лицом в грязь. Короче, мы оба остались довольны тем уик-эндом. И повторяли его несколько раз. И мы оба хотели детей. И жить мы будем в Риме. И зачем тут Анита? Она позвонила поздно вечером.

– Фаинчик! Как я рада тебя слышать!

– Добрый вечер, Анита! Раньше мы были на «вы».

– Фаинчик, у тебя завтра найдется часик-другой на обед со старой знакомой? Очень охота повидаться, поболтать о том, о сем. Ты как?

– Анита, что-то случилось?

– Ну, за время твоего отсутствия случилось многое, но звоню я не поэтому. Просто оказалась в Риме, чудом выкроилось три дня, и жутко захотелось повидаться, я расскажу тебе много интересного.

Неужто Родион вернулся в Москву? – задрожала я. Они ведь хорошо знакомы, именно он устроил меня к ней в журнал. Может, не вышло у него с «селедкой»?!

– Хорошо, Анита, где и когда?

Анита Михальчик, хозяйка и главный редактор глянцевого журнала, невероятно стильная и элегантная дама лет сорока пяти, была умна, прекрасно образованна, хотя отнюдь не блистала красотой, но стиль и безупречный вкус выделяли ее даже в толпе сногшибательных красоток. И сотрудниц она выбирала, руководствуясь прежде всего правилами хорошего вкуса. Помню, как одну красивую и очень дельную девушку, которую рекомендовал ей кто-то из знакомых, она забраквала. Никто не мог взять в толк – почему.

– Да у нее же маникюр со стразами! Невозможно! В моем журнале таким не место!

– Ну и что? – удивилась я. – Маникюр можно поменять.

– Маникюр – да, а сознание нет. Если она сделала себе такой маникюр, значит, у нее начисто нет вкуса.

– Но вкус можно развить...

– На работе мы должны развивать вкус у читателей, а не у сотрудников.

Когда я первый раз встретила с ней, она окинула меня весьма внимательным и холодным взглядом, но потом взгляд потеплел, а через полтора часа показавшегося мне странным разговора она заявила:

– Вы мне подходите, Фаина. Разумеется, у вас будет испытательный срок, два месяца. Надеюсь, вы не обманете моих ожиданий.

Я старалась изо всех сил. Во-первых, работа с Михальчик была пропуском в любое гляцевое издание, а во-вторых, я не хотела подвести Родиона. Ведь это он меня рекомендовал. Нельзя, чтобы он за меня краснел.

Анита ждала меня в холле роскошного отеля.

– Я не опоздала, Анита?

– Нет-нет, это я спустилась чуть раньше. Фаинчик, как я рада тебя видеть! Выглядишь великолепно.

– Спасибо, вы тоже.

– Послушай, говори мне «ты». Теперь можно.

– Не поняла?

– Ну, во-первых, мы здесь одни, а во-вторых, когда ты пришла ко мне работать, тебе было тридцать, а мне сорок. Десять лет большая разница. А теперь тебе уже тридцать пять, а мне по-прежнему сорок.

Я расхохоталась.

- Обожаю твой юмор, Анита!
- Сразу оговорюсь: я намерена пребывать в этом роскошном возрасте еще как минимум лет десять.
- А мне как быть? Стремиться к сорока или застыть на тридцати пяти?
- Естественным путем дойти до сорока, а там уж застыть. Ну что, по-русски это будет обед, а по-римски, вероятно, ланч? Я голодна.
- Я тоже.
- В гостиничном ресторане кормят восхитительно. Ты не против?
- Я за.
- Я рада была ее видеть. И с огромным трудом удерживалась от вопроса о Родионе.
- Ну, Фаинчик, как тебе тут живется? Замуж не вышла?
- Через две недели свадьба. Может быть, приедете?
- Опять на «вы»? Нет, я не смогу, и так в журнале без тебя полный бардак.
- Жаль, свадьба должна быть жутко изысканной... Платье цвета слоновой кости с брюссельскими кружевами...
- От?
- Нет, его сшила подруга моей мачехи, работавшая много лет у Баленсиаги.
- Так, а кто жених? Это несколько важнее платья. По крайней мере на мой взгляд. Она видит меня насквозь, как и раньше. Я слегка поежилась.
- Жених? О, он отвечает самому изысканному вкусу. Сейчас покажу.
- Я нарочно захватила с собой роскошную фотографию Серджио. Ни одна нормальная женщина не усомнится, что я выхожу замуж по любви.
- Мда... – как-то странно произнесла Анита. – Роскошный экземпляр.
- Я кивнула.
- И ты его любишь?
- Анита...
- Да, мы с тобой раньше никогда не говорили о таких вещах, но раньше я была начальницей, а ты подчиненной, да и времени катастрофически не хватало... А сейчас... Хотя уже можешь не отвечать. Мне и так ясно, любовью тут и не пахнет.
- Ну и что? Много вы... то есть ты... много встречала счастливых браков по любви?
- Тогда зачем тебе это нужно? Просто чтобы выйти замуж? Я думала, ты умнее.
- То есть?
- Я еще поняла бы, если бы это случилось в России, но тут, за границей... Мало, что ли, ты знаешь кошмарных историй с отнятыми детьми?
- Но...
- Фаина, одумайся!
- Да с какой стати? В Москве у меня ничего не вышло. А мне уже тридцать пять, пора уж обзавестись семьей и детьми.
- А что тебе мешало сделать это в Москве? У тебя там и друзья и родня.
- Здесь у меня, между прочим, отец...
- Между прочим, вот именно.
- Анита!
- Извини, я просто всегда злюсь, когда люди, которых я люблю, делают такие откровенные глупости. И вообще, это я виновата, я не должна была с самого начала тебя отпускать. Побесилась бы и успокоилась. Ты это из-за Шахрина?
- Анита, при чем здесь... – я почувствовала, что краснею.
- Ты думаешь, я слепая? Не знала, что ты умираешь по нему? Я просто не считала себя вправе вмешиваться. Но когда я поняла... Фаина, не делай глупости. Тебе кажется, что ты утрешь ему нос, выйдя замуж за красивого итальянца?

– Нет, при чем тут его нос...

– Ну, милая, неужто ты не знаешь, что самое заветное желание любой обиженной бабы утереть нос обидчику? Ты вот, козел эдакий, меня не оценил, а я вот возьму и выйду замуж так, чтоб всем было тошно?

– Анита, нет! Я выхожу замуж, просто чтобы...

– Просто чтобы выйти замуж. И это крайне глупо.

– А вот мой отец считает... – Я поведала ей теорию моего отца.

– Весьма односторонняя теория.

– Почему?

– Потому что кроме достоинств открывается еще куча неведомых ранее недостатков, и неизвестно еще, что перевесит.

Я никогда раньше не сомневалась во всем, что говорил папа, и вдруг усомнилась... Папа романтик, а Анита женщина более чем прагматичная.

– Значит, по-твоему, выходить замуж надо только по любви?

– Вот именно. Но не по безумной страстной любви.

– А по какой же еще?

– По той единственной, которая и имеет право называться любовью.

– Не понимаю.

– Выходить замуж или жениться, по крайней мере официально, следует тогда, когда люди уже пожили друг с другом, притерлись, привязались, проросли друг в друга... Вот тогда... И детей тогда надо рожать, осознанно. А то выскакивают девчонки замуж, лишь бы выскочить, детей рожают, не перебесившись... Это хорошо, когда есть кому за ребенком присмотреть, а то растут зачастую никому не нужные дети, как трава. Конечно, есть и масса исключений, но все же... Ну выйдешь ты замуж за этого своего итальянца, ну родишь ребенка... А потом вдруг начнешь задыхаться. А выход какой? Развод в Италии штука почти немыслимая... И это в Москве можно жить гражданским браком, рожать детей, а тут фигушки. Тут это неприлично, насколько я понимаю. Знаешь, если бы на мой вопрос ты бы сразу выпалила: да, люблю, умираю от любви, поверь, я бы и слова тебе не сказала. А так... Извини, конечно, что я так горячусь, но ты мне и вправду безразлична. Короче, чтобы не разводить турусы на колесах: если захочешь вернуться в Москву, твое место в журнале тебя ждет...

– Как? – обалдела я.

– А так. Я назначила на твое место Вишнякову, она жаждала карьерного роста. Но она вчистую завалила все уже через месяц. Я нашла девушку со стороны. Ее за месяц сожрали наши. В журнале черт знает что творится. Возвращайся, Фаинчик! На дворе кризис, надо выживать. Но я подниму тебе зарплату.

– Анита, это невозможно... – произнесла эту фразу, я вдруг почувствовала, что сердце больно сжалось.

– У тебя еще есть время подумать. Кстати, ты сдала свою квартиру?

– Нет, не успела... Я думала, вот выйду замуж и съезжу в Москву, улажу все дела...

– Тем лучше!

И она занялась весьма изысканным салатом.

– Анита, – тихо спросила я, – а ты не знаешь, как там Шахрин?

Она подняла на меня глаза.

– Краем уха слышала, что живет на две страны. Две недели в Москве, две недели в Мюнхене.

– Значит, там у него все хорошо?

– По-видимому. А ты в курсе, кто у него там?

– Нет, – мне не хотелось больше говорить о той истории. Ему хорошо, и слава Богу.

Встреча с Анитой повергла меня в смятение. И я решила пойти домой пешком. А заодно и навестить Цицерона, невероятно смешного бродячего кота, которого папа прозвал Цицероном за удивительную способность беседовать с кормящими его людьми. Огромный, черно-белый котикше разбойного вида обитал неподалеку от Виа-Маргутта и в определенный час всегда сидел в ожидании визитеров. Подходишь к нему. Протягиваешь бумажку или пластиковую тарелочку с кормом.

– Привет, Цицерон.

Причем отвечает он только на итальянскую речь.

– Мау, – низким, даже гортанным голосом произносит он и нюхает подношение. Ест он далеко не все. Например, сухой и вообще специальный кошачий корм он в рот не берет, фыркает и мотает головой. Я давно с ним знакома и подаю ему любимое лакомство: мелкую свежую рыбешку, купленную в магазинчике за углом. Это ему нравится. Но он не набрасывается на еду, а вежливо благодарит. – Мау, мау, мау!

Всегда три раза. И всегда через «а». «Я» у него никогда не бывает. Он принимается за еду. Ест аккуратно, без жадности. Я убираю тарелочку, чтобы не оставлять мусор. И тут Цицерон толкает целую речь. Начиная с низких нот, он постепенно переходит во все более высокий регистр. Причем эту, по-видимому, благодарственную речь необходимо выслушать до конца, иначе он может даже укусить, такое бывало. Но я люблю слушать это кошачье красноречие. Вот и сегодня его благодарственный спич длился положенные две минуты. Причем голос у него не истошный, а красивый. Я чешу его за ухом, и он отвечает мне громким мурлыканьем, больше всего напоминающим звук трактора. Затем он начинает мыться и моется очень тщательно. После этого можно уходить. Познакомил меня с Цицероном отец, и он же не без некоторой ревности утверждает, что ко мне Цицерон относится куда лучше, чем к нему. Впрочем, смеется папа, это естественно, ведь я существо женского пола, а Цицерон истинный джентльмен.

После общения с котом мне стало немного легче. Глупости все эти разговоры о Москве. Что и кого я там забыла? Гнусную слякоть? Серые дождливые дни? Хмурые лица? Одиночество?

Я достала из сумки телефон и позвонила Серджио. Я звонила ему крайне редко. А почему и сама не знаю. Он откликнулся. Тут же.

– Дорогая, что-то случилось?

– Да нет, просто вдруг захотелось услышать твой голос. Ты занят?

– Я, разумеется, занят, но не настолько, чтобы не поговорить с моей невестой.

– Да нет, я просто так...

– Может быть, мы вечером куда-нибудь сходим?

– Можно.

– Тогда я в половине десятого заеду за тобой.

– Хорошо, договорились.

– Дорогая, мне не нравится твой голос. Ты где сейчас?

– Я встречалась с одной знакомой из Москвы. А потом навестила Цицерона.

– Хм.

Я очень ясно увидела брезгливую ухмылку Серджио.

– Только не трогай его, мало ли что можно от него подцепить.

Не знаю, как сложилась бы моя дальнейшая жизнь, не произнеси Серджио этой фразы. Я вдруг отчетливо вспомнила слова Медуза: «Леля, зачем ты позволяешь Фаине брать Леночку на руки? Девочка в таком возрасте живет одна, мало ли чем может заразиться...»

Что я делаю со своей жизнью? Совсем мозги отшибло, замуж собралась... За кого? Я и знать о нем ничего не знаю. А хочу знать? Да пошел он. Хотела бы, уже все узнала бы... А я не хотела. Так зачем, чего ради? Права, тысячу раз права Анита. Как будто можно убежать от себя. Я же буду несчастной... Мой ребенок, если он родится, будет итальянцем. Он будет говорить

по-итальянски, ведь его отец по-русски ни в зуб ногой... Зачем я согласилась на предложение Серджио? Просто я была как в анабиозе... Совершила, что называется, «подвиг любви», отдала любимого мужчину какой-то неведомой «селедке» и впала в ступор. Замуж? Не хочу я замуж больше. Хватит! Серджио не мой человек. Ну и что? Сколько женщин выходят за не своих... А что в этом хорошего? Они же, как правило, несчастны... Несчастных в браке женщин так много! И я не желаю пополнять их ряды. Не желаю. Уж лучше одной... И как я живу последние пять месяцев? На иждивении отца, а потом перейду на иждивение нелюбимого мужа? Тьфу! Это я-то, самостоятельно всего добившаяся! Хотя чего уж такого особенного я добилась? А мне особенного не надо. Мне просто надо жить там, где жила, общаться с теми, с кем общалась, делать то, что я умею и люблю... Анита нуждается во мне, журнал без меня разваливается... И я хочу жить в своей квартире, а не в полном антиквариата доме Серджио. И я не желаю лететь на Мальдивы, чтобы трахаться с Серджио на законных основаниях. НЕ ЖЕЛАЮ!

Мне вдруг стало так легко, как не было уже очень, очень давно. Первым делом я позвонила Аните. Телефон был заблокирован. Но я оставила сообщение на голосовой почте: «Анита, ты права. Я возвращаюсь».

И, набравшись храбрости, я отправилась домой. Дома была только Карлотта.

– Что, Фаина? Почему у тебя такой воинственный вид? – улыбнулась она.

– Карлотта, милая, ты знаешь... Ох, трудно... Я надеялась, что скажу это папе, а он уж подготовит тебя...

– Ты хочешь сказать, что намерена отменить свадьбу?

– Как ты догадалась?

– Я все время этого боялась.

– Ты осуждаешь меня?

– А Серджио уже знает?

– Нет. Я только что приняла решение...

– Что-то произошло?

Я пожала плечами. Как объяснить ей, что подтолкнул меня к этому решению Цицерон?

– Я все время ждала чего-то подобного...

– Ты осуждаешь меня? Я возьму все расходы... Не сразу, но со временем...

– Какие расходы? Ты о платье?

– Нет, ну ведь на подготовку к свадьбе... И вам с папой и Серджио... Я рассчитаюсь... Обязательно. Но я вдруг поняла, что не смогу... И я возвращаюсь в Москву. Первым же рейсом, на какой найдется билет.

– Это твоя начальница тебя сбила с панталыку? – Карлотта обожала такие русские выражения.

– Нет. Я вдруг сама прозрела.

– Тогда надо сообщить Серджио. Он вправе узнать об этом в первую очередь.

– Да, да, конечно... Я сейчас...

Я видела, что Карлотта недовольна. Надо как можно скорее возвращаться домой. И сначала я позвонила в аэропорт. Билет был только на завтрашнее утро. Вот и отлично. Наконец, я набрала номер Серджио. Его телефон тоже был заблокирован. И я опять оставила сообщение на голосовой почте.

«Серджио, дорогой, прости меня, я понимаю, что поступаю черт знает как, но я завтра улетаю в Москву и больше не вернусь. Дело не в тебе, а во мне. Я поняла, что из нашего брака ничего не выйдет. Все издержки я со временем возьму. Прости меня».

Какое счастье! И пусть я вызвала недовольство Карлотты, кажется, впервые за долгие годы, но это ведь моя жизнь, и я вправе сама ею распоряжаться.

Я принялась собирать вещи. Потом вдруг сообразила, что надо привезти какие-то сувениры девчонкам в редакции, и побежала по магазинам. Уходя, я слышала, что Карлотта с кем-

то говорит по телефону. На площади Испании есть знаменитый магазин перчаток Сермонета. Там можно купить абсолютно любые перчатки. Правда, внутри магазина всегда давка, продавцы говорят на всех языках и не слишком вежливы. Они просто швыряют на прилавок кипы перчаток. Но мне было все равно. Я сразу купила двадцать пять пар, всех цветов и видов. Это недорого, но перчатки там действительно отличные. Выскочив наружу, я отдышалась. И вспомнила, что надо позвонить Федяке, пусть встретит меня. Тетя Соня расстроится. Они собирались всей семьей приехать на мою свадьбу...

– Федяка!

– О, сеньора Фаина! Как дела?

– Федь, скажи родителям, все отменяется.

– Что отменяется? – перепугался он.

– Свадьба. Я отменила свадьбу.

– Почему?

– Объясню завтра утром. Ты сможешь меня встретить?

– Само собой. А что случилось?

– Потерпи до завтра. Расскажу.

– Мама как чувствовала.

– Что?

– Сегодня утром сказала: что-то мне не верится, что эта свадьба состоится...

Милая, родная, любимая моя Соня! Она чувствует меня как родную дочь. И я точно знаю, что сейчас они втроем помчатся приводить в жилой вид мою заброшенную квартиру. Как же я по ним соскучилась... И тут же позвонила Анита.

– Фаинчик, это правда? – голос у нее был ликующий.

– Правда. У меня уже билет на утро.

– Круто! Ты молодчина, Фаинчик! Я вернусь послезавтра, и тогда увидимся. Пока не говори никому ничего. Я сама всем все объявлю. Договорились?

– Конечно. Да я и не успею ничего.

– Короче, жди моего звонка.

Когда я вернулась, отец был уже дома.

– Ну ты и учудила! – покачал он головой.

– Папа!

– Да ладно, – шепотом произнес он и подмигнул мне. – Я, как ты знаешь, не слишком верил в этот брак.

– Значит, ты не сердишься? – тоже шепотом спросила я.

– Чего мне-то сердиться? Я хочу только, чтобы ты была счастлива. Нет, в данном случае лучше сказать – чтобы ты не была несчастна. Но Карлотта рвет и мечет. Ты и вправду утром улетаешь?

– Да. Уже позвонила Федяке.

– А что с работой? Тебя твоя Анита поманила?

– Если честно, да. Но последним толчком послужил Цицерон.

И я рассказала отцу о разговоре с Серджио.

– Да пошел он куда подальше! – таково было папино резюме.

– Папочка, я тебя обожаю!

– Да, и забудь эти глупости с возмещением ущерба.

– Но я не хочу...

– Тебя это вообще не касается.

– Папа!

– Бамбина! Кстати, у тебя есть в Москве деньги?

– Есть, не волнуйся. И еще Анита мне поднимет зарплату.

– Ей можно верить?

– Да. Я ее за язык не тянула. И она очень во мне нуждается.

Он ласково потрепал меня по волосам.

– Бамбина, я рад... Я опять узнаю свою дочку. А то бродила тут по дому какая-то бледная копия моей девочки... К черту! Найдешь себе мужа в России, а если не мужа, то мужика, от которого родишь. И к черту всяких мужей. Родишь и подбросишь деду, а я уж воспитаю! И зачем нам какие-то чужие противные дядьки?

– Папа, а как же достоинства, которые можно открыть?

– А ты запоминаешь все глупости, которые я говорил в жизни?

Я очень боялась, что Серджио примчится и будут долгие мучительные объяснения. Но он даже не позвонил. Или просто не получил еще моего сообщения? Как бы там ни было, но утром отец отвез меня в аэропорт. Карлотта держалась со мной довольно сухо и не звала приехать при первой возможности, как обычно. Ну и ладно! Меня огорчало только то, что я не простилась с Цицероном. Но рано утром у него не приемные часы.

Встречали меня Федяка и тетя Соня. Она обняла меня, расцеловала.

– Маленькая моя, как хорошо, что ты сбежала из-под венца. Я, конечно, твоего жениха видела только на фотках, да и то в компьютере, но он мне не понравился. Красивый, но какой-то холодный, чужой... Ну его! Мы у тебя прибрались. А что с работой?

– Возвращаюсь в свой журнал.

– Здорово! Ох, как я по тебе соскучилась!

– Но я сорвала вам поездку в Рим.

– Да почему? Мы непременно поедем, просто будем чувствовать себя там легко и непринужденно.

– Ой, Финик, – вмешался в разговор Федяка, – мама так тут психовала...

– Из-за чего?

– Ну как же, там светское общество, а в чем я пойду на свадьбу? Я же не знаю, как там у них принято, боюсь показаться чумичкой...

– Сонечка, родная, – я обняла тетку.

– Вот, а теперь мне все равно. Виталик меня во всякие светские места и не водил никогда, а просто потаскаться по Риму – милое дело. Так что я даже испытала облегчение, когда Федька сообщил, что свадьбы не будет. А ты мне потом все подробненько расскажешь, почему ты так решила.

– Обязательно! А что тут у вас нового? Меня засыпали новостями.

Когда Федяка втащил в квартиру мои чемоданы, Соня заявила:

– Сейчас ты разбирайся тут, а в три мы ждем тебя к обеду. Я приготовила все твое любимое.

И они ушли.

Я принялась разбирать чемоданы, и через полчаса квартира имела уже такой вид, словно я и не уезжала. Господи, какое счастье! Я открыла ящик комода, где у меня лежал маленький фотоальбом с фотографиями Родиона. Вот он один, такой загадочный... Вот мы с ним на каком-то приеме, вот в парке, а вот с моей последней машиной, он помогал мне ее купить... И вдруг странное ликование поднялось в душе. Я его больше не люблю! Я смотрю на эти фотографии спокойно, может быть, с легкой грустью, но и все. А я ведь достала альбом, чтобы выкинуть его, чтобы забыть о нем, а оказалось, что можно и не выбрасывать, не забывать. Я успокоилась, я излечилась! И при этом не поломала свою жизнь. Почему-то я была уверена, что жизнь Серджио я тоже не поломала, сбежав из-под венца. То есть все к лучшему в этом лучшем из миров. И я начну с новой строки. Но теперь в истории моей новой жизни уже не будет девиза «Во что бы то ни стало замуж!» К черту, все равно все будет так, как должно быть. Если не суждено мне быть женой и матерью, что ж...

Часть вторая

Что будет...

Перед тем как идти на обед к Соне, я позвонила в дверь своей соседки Тины, с которой у меня сложились весьма теплые отношения. Но дверь никто не открыл. Странно, Тина была домоседкой. На работу не ходила, работал ее муж, а она со страстью занималась домом. Вечно что-то шила, стирала, терла. И наслаждалась этим процессом. Куда она подевалась, интересно? А впрочем, могла пойти в магазин или поехать к матери. Ладно, зайду вечером.

Обед у тетки, как всегда, был выше всяких похвал. Отведав ее борща, я вдруг ощутила, что такое, собственно, ностальгия. Это тоска по борщу.

Как же хорошо дома! Дядя Юлик пытался расспрашивать меня о Берлускони, о том, как относятся к нему итальянцы, но я не могла ему соответствовать. Политика интересовала меня в Италии меньше всего.

– Не понимаю, какая из тебя журналистка, если ты не интересуешься политикой? – недоумевал дядя Юлик.

– Папа, да она же гламурная журналистка, политика тут ни при чем, – смеялся Федяка.

– А я слышал, что гламур уже выходит из моды! – заявил дядя Юлик.

– Нет, просто он принимает другие формы, вернее, надевает другую личину, – смеялась я. – Персонажи-то остаются прежние. Только одеваться начинают скромнее. Но уверяю вас, убогие на вид очочки на светских львицах стоят не меньше, чем какой-нибудь роскошный аксессуар прежнего прикида. И любая из них по-прежнему готова душу продать за сумку «Биркин», тем более что несведущие люди никогда не догадаются, сколько такая сумочка стоит.

– А все же сколько? – поинтересовался дядюшка.

– Лучше не спрашивайте, многие тыщи.

– Чего?

– Евро.

– Нет, правда? – вытаращил глаза дядя Юлик.

– Святой истинный крест.

Я решила пока никому из знакомых и друзей не звонить. Надо сперва определиться с работой. Но на обратном пути я опять позвонила в дверь Тине. И опять мне никто не открыл. Может, они с мужем уехали отдыхать? Лето ведь на дворе.

Через час в мою дверь позвонили. Явился Федяка.

– Пустишь?

– Заходи. Что-то стряслось?

– Может стрястись, если ты не вмешаешься.

– Господи, что?

– Помоги, умоляю!

– Да в чем дело?

– Они хотят меня женить.

– Кто?

- Мама с папой.
- Вообще или конкретно?
- Да в том-то и дело, что конкретно. А я не хочу. Я ее не люблю...
- А кто она такая?
- Да одна... сука.
- Федь, либо расскажи толком, либо... Она что, залетела и явилась к Соне?
- Именно! А я совершенно не уверен, что залетела от меня. Совершенно не уверен!
- Но такое возможно?
- По-моему, нет. Ну, если только презерватив порвался.
- Ты пользуешься некачественными? – засмеялась я.
- Еще чего!
- А маме ты это говорил?
- Бесплезняк! Эта сука чем-то подкупила маму... в душу к ней влезла... И теперь они требуют, чтобы я женился.
- А чем я-то могу помочь?
- Поговори с мамой.
- Легкое дело! Соню, если она уперлась, с места не сдвинешь.
- И что, вот так легко отдашь меня на закланье?
- А эта девушка... она тебя любит?
- Ха, девушка! Да ни капельки не любит. Квартирку она мою любит. А потом вышвырнет меня к родителям, а квартиру заберет. Знаешь, чего мне стоило отстоять свою свободу от мамы с папой?
- А кто она такая? Откуда взялась?
- В каком смысле?
- Где ты с ней познакомился?
- В одной компании.
- Давно?
- Да уж полгода...
- А спишь с ней давно?
- Полгода. А какое это имеет значение?
- Чем она занимается?
- Работает в какой-то фирме...
- А живет где?
- Снимает квартиру вдвоем с подружкой.
- О! Этостораживает.
- То-то и оно!
- Тебе нравилось с ней спать?
- Ну, в общем...
- Она красивая?
- Вполне.
- А сколько ей лет?
- Двадцать шесть. Послушай, как-то странно ты задаешь вопросы...
- Федь, ну я же не следователь. Я ж не допрос веду, а просто хочу понять расстановку сил. Знаешь что, познакомь меня с ней.
- Зачем это? Даже и не подумаю!
- Почему?
- Потому что эта сука обаятельная. Она тебе сумеет понравиться, и ты переметнешься на ее сторону, и тогда уж точно я погиб. Не хочу я на ней жениться, и ребенка от нее не хочу, и вообще...

- Ну так поди к маме и скажи ей это.
- Ты маму не знаешь? Слушай, давай я лучше на тебе женюсь.
- Федь, ты офонарел?
- Да фиктивно, но мы ж двоюродные, нам можно...
- Да, братишка, ты, похоже, совсем спятил со страху...
- Не со страху, а от отчаяния.
- Хочешь умный совет?
- Если умный, то да.
- Она чего от тебя требует? Кстати, как ее зовут?
- Вика.
- Так чего от тебя требует эта Вика?
- Чтобы женился...
- И все?
- Пока да.
- Тогда слушай меня, только не ори.
- Ну?
- Женись на ней, но чтобы она знала, что ты это делаешь из-под палки.
- И что? Она вселится ко мне, потом родит...
- Если вообще родит. Какой у нее срок?
- Совсем еще небольшой.
- Понятно. Значит, так. Ты идешь к родителям и заявляешь, что женишься, уступая нажиму. Что никаких свадеб, путешествий и так далее. Что прописывать ее к себе ты не будешь, если хотят, пусть прописывают к себе. Зуб даю, Соня ее не пропишет.
- Так, так, – заметно оживился Федяка. – Но я не хочу с ней жить!
- Так тебе и не надо. Скажешь, что будешь, пока она беременная, давать ей бабки. А когда родит, сделаешь генетическую экспертизу, а там будет видно. Думаю, если девушка блефует, она на такие условия может и не пойти и вскоре у нее непременно случится выкидыш. А если действительно беременна, действительно от тебя, то признаешь ребенка и будешь давать на него деньги. По крайней мере останешься порядочным человеком, и даже Соня не сможет бросить в тебя камень.
- То есть я все-таки должен на ней жениться?
- Федь, у тебя есть другой выход?
- А нельзя эту самую экспертизу сделать сейчас?
- Насколько я понимаю, нет. Рано. А на более позднем сроке это может быть опасно для ребенка.
- То есть ребенка мне уже не избежать?
- Ну, милый, если спишь с женщиной, такое не исключено. Однако в таком случае у тебя есть шанс, что Вику такие жесткие условия просто не устроят. И тогда ты спасен.
- Он задумался. Смешно, мужику уже тридцать шесть лет, а он растерялся, как восемнадцатилетний юнец.
- Фаина, ты откуда такая умная? – вдруг расплылся в улыбке кузен.
- В данный момент из Рима.
- Слушай, я прямо сейчас пойду к родителям и скажу им все.
- Нет, сначала поговори с Викой. Будь предельно сух и четок. И главное, не вздумай с ней спать! Ни под каким видом!
- Да я теперь и смотреть на нее не хочу!
- Ты зачем телефон достал?
- Позвонить ей.

– Нет. Позвонишь завтра. А пока обдумай все еще раз хорошенько и настройся на очень жесткую позицию и с ней и с мамой.

– Думаешь, поможет?

– Уверена.

– Ох, сестренка, что бы я без тебя делал... Впрочем, я все равно собирался обсудить с тобой ситуацию, но в Риме. Решил, что и Виталий может помочь...

– Попробуй, свяжись с ним по мылу. Но я думаю, он тебе посоветует то же, что и я.

– Да нет, я удовлетворюсь твоими советами. Спасибо, мне уже стало легче. По крайней мере я хоть понял, как мне действовать.

– Ну и слава богу. Да, Федь, ты не в курсе, Тина что, отдыхать уехала?

– Ой, ты ж ничего не знаешь!

– Что-то случилось?

– Ну что там случилось, я не знаю, но они продали квартиру.

– Да ты что! Почему?

– Понятия не имею. Я же с ними не очень...

– А кто купил-то?

– Да тоже не знаю. Мне как-то до фени...

– А что рядом твоя сестра любимая живет, об этом ты не вспомнил?

– Да в том-то и дело, что сестра собиралась заделаться синьорой и жить в Риме, среди гобеленов и антиквариата, а не в аэропортовской двушке.

– Прав. Обвинения снимаются. Поживем – увидим. А мама не в курсе?

– Спроси у мамы.

– Федь, услуга за услугу.

– Что угодно!

– Можешь в выходные поехать со мной в мебельный магазин?

– Зачем?

– Хочу поменять кровать.

– Сломала?

– Нет, просто я поняла, что она неудобная. Хочу другую.

Он посмотрел на меня и усмехнулся.

– Хочешь начать новую жизнь? Безгрешную? Старая кровать много кого помнит?

Я засмеялась.

– А хоть бы и так.

– Нет вопросов. Поедем. А эту куда?

– Матрас на помойку, а деревяшки ты порубишь.

– Лучше распилю.

– О, это уже твои проблемы.

– Ладно, сестра. И спасибо за хорошие советы. Я ими непременно воспользуюсь. Вот прямо сейчас.

– Валяй!

– Фаинчик, давай встретимся где-нибудь и все обсудим.

– Я готова.

– Отлично! Тогда через полтора часа в «Лесном пире».

– Договорились!

– Надо многое обсудить.

В голосе Аниты слышалось ликование. Неужто она так ликует из-за моего возвращения? Значит, здорово ей меня не хватало! Я долго выбирала, во что одеться по такому случаю. Хотя днем в этот отнюдь не гламурный ресторанчик можно одеться как угодно, но хотелось выглядеть на все сто. И я надела красное платье. Оно было совсем новое. И очень мне шло. Босо-

ножки тоже красные на высоченной шпильке. Анита считает, что женщина без каблуков не очень женщина. Да и я люблю каблуки. Я вызвала такси, свою машину я еще не забрала из гаража моих друзей, куда загнала ее перед отъездом в Рим. А гараж находится за городом.

Я спустилась вниз, открыла дверь и ахнула. Перед подъездом расстилалась огромная лужа. Всю ночь шел дождь. Никогда раньше здесь таких луж не было. И обойти ее на моих шпильках тоже не представлялось возможным, поскольку газон был насквозь пропитан влагой. Я замерла. Такси стояло совсем близко, шофер понимающе ухмыльнулся. В этот момент из подъезда кто-то вышел. И присвистнул.

– Ни фига себе! – произнес мужской голос.

– Кошмар какой-то! – сказала я и оглянулась. Мужчина был мне незнаком. Некрасивый, сильно небритый. Лет сорока.

– А, была не была! – произнес он и вдруг схватил меня на руки и мгновенно перенес через лужу. Я даже опомниться не успела, как он уже поставил меня на сушу. – Вот и все, девушка!

– Спасибо, огромное вам спасибо!

– Это вам спасибо.

– А мне за что? – засмеялась я.

– За то, что не брыкались, не визжали.

– Так я просто не успела.

– Вот и славно. Всего хорошего.

Он подошел к припаркованному неподалеку темно-коричневому джипу.

– Садитесь, – напомнил мне таксист. – Счетчик-то тикает.

Я села рядом с ним.

– Надо же, прям как в кино, – причмокнул водитель. – Это ваш знакомый?

– Первый раз его вижу.

– Прям как в кино! Здорово!

– Да, мне тоже понравилось.

– Куда едем?

– Проспект Мира. Самое начало.

– Понял.

А я закрыла глаза. Вспомнила сильные руки, державшие меня всего несколько секунд. Небритую щеку и запах хорошего одеколона. Черт возьми, с такой сцены мог бы начаться роман... Но он даже не спросил, как меня зовут... Он просто мужчина... и, наверное, поступил бы так же, будь на моем месте любая другая женщина. Ну, может, не любая... Нет, он ведь даже не успел меня разглядеть, когда подхватил на руки. Просто мужчина с еще не отмершими мужскими свойствами. А Родька как поступил бы? Взял бы меня на руки? Может, и взял бы. Меня. Добрую подружку. А вовсе не первую попавшуюся... Неужели такие мужчины еще бывают? Фаина, опомнись, так и втюриться недолго в какого-то незнакомца. Оно тебе надо? Надо! Втюриться надо! Но не в незнакомца, который уж и забыл обо мне. Он просто спешил и все равно ступил бы в лужу. Так почему заодно не подержать в руках красивую и довольно молодую бабенку...

– Приехали! Тут лужи нет, – заржал водитель.

– Здорово! Быстро как...

– Повезло, пробок не было.

В результате я приехала на двадцать минут раньше назначенного Анитой срока. Хорошо! В будний день и в этот час гуляющих в Ботаническом саду мало. Да и в ресторане народу немного. Я заказала себе чашку кофе. В дверях вдруг появилась женщина лет тридцати, обвела ресторан тревожным взглядом, остановила его на мне, потом еще раз обежала взглядом помещение. Спросила о чем-то у официантки, та отрицательно покачала головой. Тогда женщина стремительно направилась ко мне.

- Здравствуйте! – сказала она и уселась напротив меня.
- Мы знакомы? – удивилась я. У меня неплохая память на лица. Я ее не помнила.
- Нет, вот и познакомимся!
- Извините, но я жду...
- Знаю я, кого вы ждете! Не дождетесь! Он не придет. Он не получил вашу эсэмэску.

Ее получила я.

- Вы что-то путаете. Я жду женщину и никаких эсэмэсок я не...
- Ладно, не старайтесь! Так вот, вы уж, наверное, догадались, кто я. Впрочем, это неважно. Скажите мне, чего вы хотите от моего мужа?

– От вашего мужа? Ровным счетом ничего, особенно учитывая, что я не знаю вашего мужа.

- Зачем вы врете? Я давно в курсе! И давно искала случая с вами поговорить.

Она была вне себя. Пытаться что-то объяснять ей сейчас просто бесполезно. Ничего, потерплю до прихода Аниты, тогда эта несчастная поймет.

– Послушайте, мне, в конце концов, все равно, что он с вами спит, я закрывала на все глаза, но теперь...

- Что теперь? – не удержалась я.

– А, так вы признаетесь, что спите с моим мужем!

– О господи!

– Думаете, я не знаю, что вы ездили с ним в Италию, хотя всем сказали, будто уехали в отпуск в Египет! Я все поняла! И я так этого не оставлю! – уже почти кричала она.

В этот момент в дверях появилась еще одна женщина. Тоже обвела взглядом зал и, заметив нас, мгновенно исчезла. Кажется, меня приняли за нее. А она смылась!

– Имейте в виду! Я не позволю ему жениться на вас, не дам развода, и куда он на фиг денется? Чего он стоит без денег моего отца? Так что вам обломиться может только он сам, лично, без копейки денег, вымотанный до предела, я уж сумею его вымотать, можете мне верить.

- Верю, – кивнула я сама не знаю зачем.

– Ты, сука, конечно, красивее меня. Но ищи в другом месте, поняла? Гунара тебе не видать как своих ушей!

- Гунара? – переспросила я, потрясенная догадкой.

Гунар, недавно вернувшийся из Италии? Вот так совпадение. Хотя чего только не бывает. Может, это другой Гунар?

– Гунар, Гунар! Не притворяйся, паскуда! – она все больше накалялась ненавистью. – Ишь, строит из себя! А чего в красное вырядилась?

- Что здесь происходит? – раздался вдруг ледяной голос Аниты. Это она умеет.

– Да вот, женщина приняла меня за любовницу своего мужа.

– Фаина, а ты почему это все терпишь? Я сейчас вызову охранника.

– Фаина? – опешила женщина.

– Да, – пожала я плечами.

– Вас зовут Фаина?

– Ну да.

– Неужто я ошиблась?

– Я же вам говорила, но вы меня не слушали.

– Идите отсюда, – вмешалась Анита. – Фаина и так достаточно от вас наслушалась.

– Простите меня, ради бога простите, я была не в себе...

– Сейчас вы уже в себе? Вот и ступайте домой, – распорядилась Анита.

Несчастливая бросилась вон.

– Черт знает что, как можно так опускаться? Недопустимо! Ну здравствуй, Фаинчик! Выглядишь великолепно.

– Самое смешное, Анита, что я, кажется, немножко знаю ее мужа. – Я рассказала Аните о своей встрече на площади Испании.

– Да, его можно понять: вырвался в Рим без жены, ревливой истерички, и любовница небось не многим лучше. Вот и чувствовал себя счастливым.

– Если это был он. В конце концов, Гунар не столь уж редкое имя.

– Да он, я уверена, он.

– Анита, а что такое с тобой? Ты часом не влюбилась?

И вдруг она покраснела. Кажется, впервые за годы знакомства я увидела, как Анита краснеет!

– Анита, он кто?

– О, он весьма известная фигура, я не буду его называть.

– Не называй! А где взяла?

– Мы вместе летели в Рим. В бизнес-классе нас было только двое.

– И что? Вы разыграли сцену из «Эмманюэль»?

– Фу, Фаина! – поморщилась она.

– Извини.

– Знаешь, мы общались... и нам обоим казалось, что мы знаем друг друга уже сто лет...

– И этим все ограничилось?

– Нет, он взял мой телефон и уже звонил... Сегодня вечером мы ужинаем...

– Здорово! Я тебя такой еще никогда не видела...

– Знаешь, он вел себя так по-мужски... Это проявляется в каких-то мелочах, но так приятно... Я отвыкла... Это человек из другого мира... Он никогда в жизни не видел меня на экране.

– Неудивительно, твоя программа все-таки сугубо женская.

– А знаешь, сколько мужиков меня узнают? Даже жутко делается.

– Он женат?

– Женат. Но я же не замуж за него собираюсь... Я даже спать с ним не хочу...

– Почему? Старый?

– Да нет, просто хочется чего-то другого...

– Господи, чего? – испугалась я.

– Тепла. Доброты. Доверия. Хочется чувствовать себя не очередной блядью, а... Словом, пока обойдемся без секса.

– А он-то согласится?

– Поглядим. Пока это все... так, мимолетности.

– Как у Прокофьева, да?

– Вот за что люблю тебя, Фаинчик, что с тобой легко говорить обо всем. Схватываешь на лету.

– Кстати, о мужчинах-мимолетностях... Я рассказала ей об утреннем эпизоде.

– Вот так прямо схватил на руки и перенес? Красиво, черт побери... И не пытался получить вознаграждение? Чудеса...

– Да, сегодня день чудес... мы же с тобой никогда вот так не сидели и не болтали, всегда только по делу, второпях.

– Знаешь, я в Риме вдруг поняла одну прискорбную вещь...

– Какую?

– Я практически осталась одна. Сын взрослый, живет своей жизнью, муж остался в прошлом, а друзей и подруг сглодала зависть.

– Что, всех?

– Практически всех. Журнал они еще смогли пережить, но телевидение... Знаешь, я зависть чую, как собака взрывчатку.

– А как же романс «При счастья все дружатся с нами, при горе нет уж тех друзей»? – попыталась я свести все к шутке.

– Ерунда! Знаешь, я в школе, в институте была такая общительная, куча друзей, вечеринки, гости... А как начала подниматься, они стали отпадать, как пересохшая шелуха... И, что странно, мужики... тоже отпали... А вот с тобой я могу общаться, ты меня понимаешь, и зависти в тебе не чувствуется.

Черт побери, практически «Дьявол носит «Пра-да»»! Не успела я подумать это, как Анита усмехнулась:

– Смотри-ка, Фаинчик, по сути, все как в «Дьявол носит «Прада»».

– Анита, я только рот открыла, чтобы это сказать...

– За это надо выпить. Ты за рулем?

– Нет. Еще не забрала машину.

– А я с водителем, так что выпьем по «Кровавой Мэри». Или хочешь «Мохито»?

– Нет, лучше «Мэри».

– Ладно, тогда к делу. Знаешь, надвигается кризис, нам его по любому не избежать, значит, надо постараться быть во всеоружии.

– Анита, но финансы – это не моя тема...

– Да знаю, я вот что думаю, может, нам что-то изменить в концепции журнала?

– Но это может быть только хуже. У нас есть своя аудитория, она к нам привыкла...

– Я подумала, может, нам нужен новый тон? Такой, знаешь ли, слегка иронический, что ли.

– Над чем иронизировать будем?

– Надо всем.

– Хорошо, допустим, но кто писать-то нам будет в этом ключе?

– Найдем.

– А старых сотрудников куда? Как раз в кризис-то только сплоченным коллективом и можно выжить. Просто, по-моему, не надо сейчас суетиться. И вообще, коней на переправе не стоит менять.

Она помолчала, задумчиво вертя стакан с «Кровавой Мэри».

– Может, ты и права.

– На мой взгляд, нам сейчас важно удержаться на достигнутом уровне или даже постараться повысить его, но не менять кардинально.

Она горько усмехнулась.

– Понимаешь, Фаинчик... А кстати, почему тебя называли Фаиной? Имя редкое... В честь Раневской?

– Да нет, мамина бабушка была Фаина, мать ее обожала, ну а отцу понравилось... Хотя сама я свое имя терпеть не могу.

– Ну так назвалась бы как-то иначе.

– Теперь уже глупо, а когда получала паспорт, не додумалась. Ладно уж, доживу Фаиной. У Аниты заверещал мобильник. Она глянула на него и расплелась.

– Да, Дмитрий Сергеевич. Нет, я не удивилась. Я сейчас на деловых переговорах. Нет, ничего. Да-да, все остается в силе. Спасибо. Очень приятно. До встречи.

– Так, его зовут Дмитрий Сергеевич!

– Фаина!

– Пока мне это ни о чем не говорит, но я буду начеку! Анита, при мне можно, но в дальнейшем...

– Я... Ты права, я просто утратила навыки... Так давно ничего такого не было... – и она еще пуще зарделась.

Вот вам и железная Анита!

– Он сказал, что ему вдруг страшно захотелось услышать мой голос.

– Он, кажется, не на шутку увлекся.

– Да, кажется... Я все перебирала в уме, может, ему от меня что-то нужно?

– Ну, я ж не знаю, кто он такой, чем занимается. Может, и нужно.

– На первый взгляд это нереально. Он совсем-совсем из другого мира... Но, может, он просто посредник...

– Анита, сию минуту прекрати этот бред! Ты вроде никогда не страдала комплексом неполноценности! По-твоему, в тебя нельзя просто влюбиться?

– А можно? – ее улыбка была какой-то беспомощной и даже наивной.

– Еще как! Мой отец один раз увидел тебя по телеку и сказал: «Прелесть женщина! Штучная штучка!»

– Штучная штучка?

– В его устах это высочайший комплимент.

– Что ж, приму к сведению и буду помнить, что я штучная штучка.

– Между прочим, он и про меня так говорит.

– А две штучные штучки – это еще не тираж, правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.